

«...ДЕРЖА В РУКАХ БОЛЬШУЮ ДУБИНКУ»

Е.М. РУСАКОВ

Кандидат исторических наук

Ключевые слова: КНР, США, внешняя политика, «мягкая сила», «жесткая сила»

Э то относится и к концепции «мягкой силы», заимствованной у американского политолога Дж.Най.

Но нельзя забывать, что волевыми намерениями не парадоксы, то, по крайней мере, ассоциации с кредо куда более известного «политолога» - президента США начала XX в. Теодора Рузвельта (дяди великого Франклина Д.Рузвельта). Напомним его «крылатые слова»: «Говори мягко, держа в руках большую дубинку, - и далеко пойдешь».

ОТ ТЕОДОРА РУЗВЕЛЬТА ...

Президент США Теодор Рузвельт (1901-1909) был открытым сторонником агрессивной политики, прежде всего колониальной, заслужившим репутацию героя еще в испано-американской войне конца XIX в. Экспансия и милитаризм оставались главными составляющими его мировоззрения и внешней политики. Достаточно сказать, что усилиями этого американского лидера военно-морской флот США возрос в два раза¹.

Впрочем (о чем иногда забывают), в те времена все лидеры великих держав, да и не только великих, тоже не скрывали свои геополитические аппетиты. Сам Рузвельт по поводу таких амбиций писал, что «правление Англии в Индии и Египте, как и Франции - в Алжире и России - в Туркестане, означает большой прогресс для человечества»².

И как ни странно сейчас это выглядит, в такой атмосфере определенным прогрессом стало его знаменитое кредо относительно «мягких речей» с «большой дубинкой» наготове. Как правило, великие державы тогда предпочитали говорить жестко, языком ультиматумов, размахивая «дубинкой» направо и налево. Что и привело к катастрофической Первой мировой войне, краху просуществовавшей целый век посленаполеоновской «венской

Претензии Пекина на статус «знаменосца» внешнеполитической стратегии «мягкой силы» примечательны во многих отношениях. Помимо сугубо внешнеполитических аспектов, они отражают и тот факт, что на данном этапе своей истории Китай весьма активно заимствует иностранный опыт, довольно успешно адаптируя его к национальной специфике. Таким образом, Поднебесная эффективно использует преимущество «догоняющего» развития, позволяющего при умелом подходе ускоренно пройти этап современной индустриальной модернизации.

системы» международных отношений и закату Европы.

Т.Рузвельт не чурался и дипломатии. Именно он стал инициатором Портсмутского мира между Россией и Японией, за который (вкуче с «разруливанием» марокканского кризиса, связанного со столкновением Германии и Франции, не поделившими испанскую колонию Марокко) получил Нобелевскую премию мира. Американские исследователи считают, что Рузвельт стремился восстановить нарушенный региональный баланс сил: еще накануне русско-японской войны он говорил: «Если победят японцы, с новой мощной силой в Восточной Азии столкнутся не только славяне, но и все мы»³. Действуя, разумеется, не бескорыстно, в интересах США, американский лидер тем не менее чем-то помог и России, переживавшей тяжелые времена, связанные с первой русской революцией.

... ДО ДЖОЗЕФА НАЯ

В своей нашумевшей книге «Мягкая сила. Как преуспеть в

мировой политике» Джозеф Най вспоминает кредо Т.Рузвельта добрым словом. Он подчеркивает, что если не «говорить мягко», «ослабишь свою собственную мягкую силу. Короче говоря, хотя мощь Америки вынуждает ее стать лидером и делает ее объектом как неприязни, так и восхищения, существо и стиль внешней политики США могут стать решающим фактором в придании имиджа законности нашим действиям и соответственно - укреплению нашей мягкой силы»⁴.

Вопреки впечатлению, которое может иногда сложиться от многочисленных толкований «мягкой силы», Най отнюдь не отрицает важность «жесткой силы»: «Что касается меча, то сохранится необходимость время от времени обнажать его для борьбы с терроризмом и поддержки наших усилий по укреплению международной стабильности. Жесткую силу США следует сохранять на должном уровне ради обеспечения национальной безопасности», - подчеркивает он⁵.

Пафос концепции американского ученого состоит в том, что не следует полагаться только на грубую силу, особенно в современных условиях, в век информационно-технологической революции. И добавим: после окончания холодной войны, которая помогла Вашингтону в случае необходимости приструнивать своих союзников по НАТО конечным аргументом - «советской военной угрозой».

«... одним мечом успеха не добиться» - таково его кредо⁶. В этой связи Най цитирует пассаж из выступления премьер-министра Великобритании Т.Блэра перед Конгрессом США в 2003 г., заявившего, что самым большим вызовом для Америки является необходимость «доказать на деле, что партнерство строится на убеждении, а не на приказах»⁷.

«Что такое мягкая сила? Это способность добиваться желеа-

мого за счет привлекательности, а не принуждения или денег, ... поддержки своих целей без явной угрозы применения силы и не за счет взаимного торгово-экономического обмена... Когда наша политика воспринимается другими странами законной, мягкая сила США возрастает... Когда иностранцев привлекают ваши идеалы и их устремления совпадают с вашими, можно добиться желаемого результата, полагаясь в меньшей степени на кнут и пряник»⁸. Под «кнутом» подразумевается применение военной силы, под «пряником» - позитивные стимулы, прежде всего, финансово-эко-

Президент США начала XX в. Т.Рузвельт вошел в историю как открытый поклонник агрессивной внешней политики. Но он не чурался и дипломатии.

номические.

Следует отметить и еще одно заблуждение, которое, как представляется, тоже временами имеет место.

«Мягкая сила» - это не примитивный пиар, не пропаганда, не велеречивые заявления о «мире», «добрососедстве», «партнерстве» и т.д. и т.п. Всем известно, куда устлана дорога благими речами политиков и дипломатов (что, конечно, не избавляет их от обязанности произносить такие речи).

Нет, речь идет о «неосязаемой» привлекательности, порождающей ответную позитивную реакцию.

Возможно, наиболее отчетливо эта зыбкая грань видна на примере экономической помощи. Часто под ней понимали и понимают предоставление займов или

даже строительство или передачу технологий за соответствующую оплату. Но к «мягкой силе» такого рода помощь, как правило, имеет довольно отдаленное отношение. Эффект приносит пусть даже небольшая, но безвозмездная гуманитарная помощь без намеков на текущую или будущую экономическую выгоду: к примеру, на борьбу со СПИДом или малярией, ликвидацию неграмотности, спасение от голода и последствий землетрясений.

Най выделяет три основные составляющие «мягкой силы»: культуру - высокую и массовую, популярную, политические идеалы (ценности), в т. ч. демонстрирующее их поведение в собственной стране, и внешнюю политику: «Образ США и их привлекательность ... зиждутся частично на культуре, частично - на внутренней политике и ценностях страны, частично на существе, тактике и стиле внешней политики»⁹.

По его мнению, американская культура стала притягательной силой для многих людей во всем мире. Прежде всего - это массовая, популярная культура, начиная от голливудских фильмов, бродвейских мюзиклов, джаза и рока и кончая джинсами и бейсбольными кепками. Есть и поклонники «высокой» культуры - Э.Хемингуэя, Дж.Стейнбека, У.Фолкнера и других мэтров американской литературы, мировых звезд нью-йоркских «Метрополитен-оперы» и Карнеги-холла, знаменитого пианиста Ван Клайберна и др. Отдает должное Най и умелому использованию «высокой» культуры другими государствами, в т. ч. Советским Союзом (зарубежные гастроли Большого и Мариинского театров, выдающихся музыкальных исполнителей и т. д.).

Полагая, что «поведение Америки у себя дома может повысить ее престиж и легитимность ее действий, а это в свою очередь может содействовать достижению внеш-

неполитических целей страны», он отмечает, что «мягкую силу» США подтачивает как сохранение смертной казни и права на огнестрельное оружие, так и отставание от других развитых стран в продолжительности жизни, неравенство в доходах, недостаточный доступ к медицинским услугам и т. д., падение доверия американцев к государству¹⁰.

Придавая большое значение США в работе международных организаций, Най подчеркнул, что «многосторонность содействует легитимности американской мощи», и подверг критике сторонников «односторонней» политики во главе с тогдашним вице-президентом США Р.Чейни, которые «пришли к выводу, что потери политики мягкой силы превышают ее выгоды». В результате резко изменились настроения западноевропейцев, которые сочли после вторжения США в Ирак, что «опасность односторонней политики США сопоставима с угрозой, которую несет разработка ядерного оружия в Иране и Северной Корее»¹¹.

КИТАЙ - ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ?

Достигнув неоспоримых крупных успехов в экономическом и социальном развитии, Китай активно занялся созданием и пропагандой нового имиджа страны.

С поворотом к политике «мягкой силы», особенно в связи с успешно проведенной пекинской Олимпиадой, развернулась кампания по приданию Поднебесной ореола образца для подражания для стран за пределами «золотого миллиарда» экономически развитых государств*.

Разумеется, Китай не одинок. На это претендовал довольно успешно и долго и Советский Союз, не отказывались и не отказываются от ореола «светоча демократии» Соединенные Штаты, свои претензии имеются и у англичан, французов и других народов.

Многое из того, чего достигла Поднебесная за годы экономических реформ, достойно восхищения, особенно масштабы преобразований в смысле успешного пере-

* Подробнее см.: Давыдов А.С. «Китайская головоломка» для администрации Б.Обамы // Азия и Африка сегодня, 2010, № 4 (прим. ред.).

вода почти пятой части населения мира на новые рыночные рельсы в исторически короткий срок. Как и то, что в 2010 г. по объему ВВП КНР, обогнав Японию, вышла на 2-е место в мире.

В последние годы появилось немало восторженных отзывов зарубежных и отечественных очевидцев шанхайских небоскребов Пудонга, скоростных автострад и т. д. Сотни миллионов телезрителей во всем мире видели небывало красочные церемонии открытия и закрытия Олимпийских игр в Пекине в 2008 г., шанхайской ЭКСПО-2010, парады и другие масштабные представления такого рода.

Отдавая должное умелой экономической политике Пекина, организационному таланту и трудолюбию китайцев, их чувству прекрасного, я все же отношусь со здоровой долей скептицизма к восторгам по поводу внешних красочных проявлений «китайского экономического чуда». По той простой причине, что они все же вызывают ощущение именуемого по-французски «дежа вю» - «ранее виденного», повторения, вплоть до прямых совпадений.

В общем-то всё это мне довелось видеть в Японии в 60-х гг.

И подготовку первых в Азии Олимпийских игр 1964 г. в Токио, когда в центре города буквально проломили первую автостраду Аояма-дори, которая вела к Олимпийской деревне и изумительному архитектурному строению К.Тангэ - Олимпийскому центру в виде ракушки, и красочное открытие этих Игр (мне довелось на нем присутствовать в качестве переводчика), и первые два небоскреба (до 1968 г., когда было найдено инженерное решение, в Токио было запрещено строительство многоэтажных домов из-за землетрясений). Видел я и самый быстрый тогда в мире скоростной поезд-«пулю», летевший по колею *Синкансэн*, и суперсовременную автостраду Токио-Осака, и ЭКСПО-1970 в Осаке, которое по тем временам ничуть не уступало ЭКСПО-2010 в Шанхае...

Более того, все эти международные мероприятия стали одним из двигателей «японского чуда» в экономике.

Страна восходящего солнца тогда успешно преодолевала сложившийся за рубежом постылый

стереотип: в мире она ассоциировалась с гейшами, рикшами и Фудзиямой. Хотелось показать себя миру, улучшить свой имидж. Но в первую очередь японцы делали это для себя, стремясь преодолеть комплекс неполноценности, обрести уверенность после поражения во Второй мировой войне и первой за полутора тысячелетнюю историю Японии оккупации страны.

Как представляется, Япония сейчас переживает тяжелейшие времена в своей послевоенной (точнее - послеоккупационной) эре, связанные со структурным экономическим кризисом, внутривнутриполитической чехардой и внешнеполитическими неурядицами*. Частично в этом виноваты сами японцы, особенно их политическое руководство, частично - неисповедимые зигзаги общественного развития, которые в современном мире глобализации и информационных сверхскоростей быстрее и нагляднее всего проявляются в экономике.

Но надо отдать должное Стране восходящего солнца.

Наиболее успешной моделью «догоняющего» развития после Второй мировой войны общепризнанна японская «промышленная политика», превратившая за четверть века разоренную страну во вторую экономическую державу мира.

Такая модель стала образцом

* Подробнее см.: *Русаков Е.М.* В плену патриархальщины и провинциализма // Азия и Африка сегодня, 2010, № 12 (прим. ред.).

Япония первой в Азии провела в 1964 г. Олимпийские игры. На снимке: знаменитый Олимпийский центр в виде ракушки в Токио.

для всей Восточной Азии - от Южной Кореи и Сингапура до Таиланда и Вьетнама. Достигнутые новоиндустриальными странами многолетние стабильные высокие темпы экономического роста и повышения жизненного уровня стали рекордными за всю историю «догоняющих» развивающихся стран. Этот феномен Всемирный банк назвал «восточноазиатским чудом».

В его основе лежали такие составляющие, как стабильная макроэкономика (умеренные темпы инфляции, бюджетный профицит или умеренный дефицит), высокий уровень внутренних накоплений и инвестиций, сравнительно высокий уровень человеческого капитала с достаточным для подготовки квалифицированной рабочей силы образованием, относительная независимость и эффективность административного аппарата государства, сравнительно небольшой разрыв в доходах и быстрые темпы ликвидации нищеты, ориентация на экспорт, ускоренная индустриализация, привлечение прямых иностранных инвестиций и зарубежных технических открытий, технологии и менеджмента.

Модель «догоняющего» развития восточноазиатских стран получила образное название «летающих гусей». В отличие от Советского Союза, бросившего все свои силы на тяжелую индуст-

рию, проложивший восточноазиатский путь первый «гусь», пролетел практически по всему историческому маршруту начавшейся в конце XVIII века классической индустриализации. Это была Япония, которая, ориентируясь прежде всего на экспорт, сначала усиленно развивала легкую промышленность, особенно текстильную, затем - судостроение, производство автомашин и другие отрасли тяжелого машиностроения, а также нефтехимию, на следующем этапе - приборостроение и электронику и, наконец, высокотехнологичную продукцию - компьютеры, платы и т.д.

По таким же ступеням индустриализации прошли четыре азиатских «тигра» - Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг, а затем «драконы» - Таиланд, Малайзия, Индонезия и Филиппины, и, наконец, Китай и присоединяющийся к «гусиному клину» Вьетнам.

Вторая особенность этой модели состоит в том, что летящая во главе клина Япония, переходя к следующему этапу модернизации, освободила экспортную нишу четырем «тиграм», а они - «драконам» и т.д.

По большому счету КНР тоже идет по этому пути, проторенному Японией.

В то же время в китайской экономической модели есть ряд политических и экономических особенностей, связанных в первую очередь с «полукоммунистическим-полукапиталистическим» характером этой огромной страны. Эти особенности значительно усложняют заимствование китайского опыта странами Юго-Восточной Азии (ЮВА), кроме Вьетнама, который к сегодняшнему дню уже и сам значительно продвинулся по пути рыночных реформ и участия в процессах экономической интеграции в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и ее партнерств.

Чему могут Филиппины, Индонезия или Бангладеш поучиться у Китая? В коренной политической либерализации и демократизации, которые для КНР остаются одной из сложнейших проблем, они в целом не нуждаются. Либерализация экономики они тоже наглотались так, что пришлось сильно откашливаться во время азиатского кризиса 1997-

1998 гг. Но и возвращаться к огосударствлению экономики им полезно лишь в медицинских дозах.

Иначе говоря, для большинства развивающихся и формирующихся рыночных экономик еще не потерял ценность опыт ускоренной индустриализации и повышения жизненного уровня восточноазиатских новоиндустриальных экономик, особенно если учиться на их ошибках. Как представляется, им (да, скорее всего, и России) ближе опыт Южной Кореи или Индии.

И еще об одном проявлении «восторга», о котором сейчас осталось одно воспоминание.

В конце 60-х гг. на волне бурного экономического роста Японии Г.Кан и ряд других американских экспертов предрекали, что в 2000 г. Япония превзойдет США по величине валового внутреннего продукта (ВВП)¹², а XXI век станет «веком Японии». И этот миф держался до начала 90-х гг., пока не лопнул японский экономический «мыльный пузырь».

Где он теперь, этот «век Японии»?!

Дорога от «догоняющего» к организационному, собственному развитию, к созданной своими руками инновационной экономике устлана шипами, ухабами и подводными течениями. Только пройдя по ней или хотя бы значительной ее части, можно замахиваться на статус образца для подражания. Достижение подлинной инновационности экономики требует качественных изменений всего общества, а они трудно достижимы даже в такой огромной и успешно модернизирующейся стране, как Китай.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Хотя концепцию «мягкой силы» Пекин взял на вооружение сравнительно недавно, кое-какие предварительные итоги можно подвести.

Прежде всего, хотелось бы отметить быстрорастущие региональные и глобальные внешнеполитические апетиты Китая и активный творческий подход к поиску подходящих инструментов для удовлетворения этих апетитов. К примеру, еще в середине 90-х гг. сотрудники штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке отмечали,

что Пекин всячески избегал вовлечения в «далекие» африканские миротворческие и внутриполитические дела. Сейчас освоение Китаем минеральных ресурсов и рынков Африканского континента идет рука об руку с насыщенной повесткой дня во всех сферах сотрудничества. Достаточно упомянуть регулярные ежегодные визиты председателя КНР Ху Цзиньтао в африканские страны.

Обращение к американскому дипломатическому опыту тоже неслучайно: при всех различиях КНР и США обе страны объединяет их «внутренняя убежденность в предопределенности статуса мирового лидера для каждой из них, претензии на авангардную глобальную роль»¹³.

Причем эта убежденность возникла давным-давно. Не углубляясь в седую историю, вспомню разговор с военным атташе посольства Тайваня в Японии в конце 60-х гг. На мой прямой вопрос, считают ли себя китайцы «превыше всех», полковник, окончивший академию ВВС США, не задумываясь, ответил с гордостью: «Конечно! Вот в Америку китайцы эмигрировали еще в XIX в., а палочками кушают и по сей день, сохранили свою культуру!» Дело, разумеется, не в палочках. (Справедливости ради отметим, что мысли о своем превосходстве посещали и посещают представителей многих народов - и больших, и малых.)

Первое внешнее впечатление о различиях Вашингтона и Пекина в применении концепции «мягкой силы» видится в том, что в своих публичных заявлениях китайские представители, как правило, более сдержанны относительно существа дела, компенсируя эту сдержанность влереживостью о своих благих намерениях. Вашингтонцы более прямолинейны: после дежурных слов о величии Америки и «неизбежности» ее «лидерства» в мировой политике они довольно быстро переходят к сути дела, зачастую не стесняясь в выражениях.

Какой из этих двух подходов более эффективен?

Наверное, универсального ответа нет. Хотя, разумеется, когда прямолинейность Вашингтона перерастает в хамство и агрессивность, то тут уж не до «мягкой силы». (Что и доказало первое пре-

Большое впечатление на весь мир произвело и футуристическое ЭКСПО-1970 в Осаке.

зидентство Дж.Буша-сына, когда внешней политикой страны управляли неоконсервативные «ястребы» во главе с вице президентом США Р.Чейни.)

Но и у «восточной вежливости» есть оборотная сторона: великоват зазор между речами и делами.

Как отмечает С.И.Мишина, акцент во внешней политике Пекина был смещен с «мирного возвышения» на «мягкую силу» примерно в середине первого десятилетия нынешнего века. Причем главным объектом «дипломатии улыбок» была и остается Юго-Восточная Азия.

Но, уже взяв на вооружение «мягкую силу», Пекин сделал в этом регионе серьезный шаг, который мало вписывается в такую концепцию.

В ноябре 2007 г. КНР объявила о создании нового уезда провинции острова Хайнань под названием Санша, в территорию которого включены спорные острова в Южно-Китайском море - Парасельские (Сиша) и Спратли (Наньша)¹⁴. На первые, помимо КНР, претендует Вьетнам, на вторые - Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Индонезия и султанат Бруней*.

Это было сделано в одностороннем порядке, т. е. в русле «од-

* Подробнее см.: Локшин Г.М. Над Восточным морем тучи ходят хмуро // Азия и Африка сегодня, 2010, № 8 (прим. ред.).

носторонней дипломатии», которую привыкли ассоциировать с Вашингтоном, особенно с упомянутыми выше правыми республиканцами. А «многосторонняя дипломатия», за которую ратует и Пекин, подразумевает решение спорных проблем путем переговоров и компромиссов, консультаций с союзниками и партнерами, с привлечением международных организаций, в первую очередь ООН.

Решение Госсовета КНР об образовании уезда Санша и его территориальной юрисдикции

ЗЫБКА ГРАНЬ МЕЖДУ ПИАРОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

над Парасельскими о-вами вызвало демонстрации протеста в Ханое и Хошимине, чего во Вьетнаме не было уже очень давно.

Правда, сейчас в позиции Пекина наметились позитивные сдвиги. На проходившем в октябре 2010 г. в Ханое саммите АСЕАН - КНР было принято Заявление от имени всех участников, в котором зафиксировано «обязательство полностью и эффективно соблюдать Декларацию о принципах поведения сторон в Южно-Китайском море и стремление к принятию Кодекса принципов поведения в Южно-Китайском море на основе согласия». Как значительно более «конструктивное и открытое к сотрудничеству», чем прежние жесткие заявления китайских министров иностранных дел и обороны, сделанные ранее на форумах в Ханое в 2010 г., было расценено в стра-

нах ЮВА и выступление председателя Госсовета КНР Вэнь Цзябао на Восточноазиатском саммите, состоявшемся на следующий день после встречи лидеров АСЕАН - КНР**.

Несколько иначе развивались события вокруг необитаемых спорных островов Дяоюйдао (Сэнкаку) в Восточно-Китайском море, на которые претендуют КНР и Япония. В сентябре 2010 г. японская береговая охрана задержала в их районе китайский рыболовный траулер. В ответ на арест капитана судна Пекин заморозил контакты двух стран на министерском и провинциальном уровнях, наложил запрет на экспорт редкоземельных металлов, крайне важных для японской электронной промышленности, и потребовал от Японии извинений и возмещения ущерба за задержание злополучного траулера. По «случайному» совпадению четыре японца были задержаны в КНР по обвинению в незаконной съемке военных объектов. Токио вынужден был пойти на попятную.

Как представляется, по международному праву, согласно основополагающим документам послевоенного мирного урегулирования, в частности, Потсдамской декларации 1945 г. и Сан-Францисскому мирному договору

1951 г., эти острова, на континентальном шельфе которых обнаружены богатые месторождения нефти и газа, принадлежат Китаю***.

Но вопрос о соразмерности ответной реакции Пекина на этот инцидент остается открытым. Во всяком случае она больше подходит к концепции республиканца Теодора Рузвельта, чем либерального демократа Джозефа Ная. Думается, что Москва в данном случае поступила мудрее, спокойно прореагировав на символическое любование с воздухом

** Подробнее см.: Локшин Г.М. Россия - АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества // Азия и Африка сегодня, 2011, № 2 (прим. ред.).

*** Подробнее см.: Русаков Е.М. Ни права (международного), ни здравого смысла // Азия и Африка сегодня, 2010, № 3 (прим. ред.).

Южно-Курильскими островами министром иностранных дел Японии С.Маэхарой.

Многие века в Восточной Азии и восхищались Поднебесной, и боялись ее. Эти смешанные чувства остаются до сих пор. Но теперь у стран этого большого и важного региона есть и другие образцы для подражания (Америка, Япония, Индия и т. д.), и противовесы, прежде всего в лице США.

Поучительна и жесткая реакция Пекина на присуждение Нобелевской премии мира китайскому диссиденту Ли Сяобо.

Как хорошо известно нам по советским временам, проблема прав человека и вмешательства во внутренние дела - тема щекотливая и болезненная. Но вот всемирная кампания давления Пекина на различные страны с целью организации бойкота церемонии заочного вручения этой премии, как представляется, вряд ли принесла дивиденды в смысле «мягкой силы».

Дело дошло до дипломатического конфуза даже с такими далекими от Китая странами, как Колумбия и Украина, расценивавшими на кредиты КНР. Сначала они решили игнорировать церемонию под благовидным предлогом, но потом веское слово сказал Запад, и представители этих государств все же засвидетельствовали своим присутствием вручение награды Ли Сяобо. Большинство стран были представлены на этом мероприятии, в т. ч. Индонезия - крупнейшее по населению государство АСЕАН и мусульманского мира.

Зыбка грань между пиаром и действительностью, между «мягкой силой» и «дубинкой».

ЧТО ТАКОЕ «ЕДИНСТВЕННАЯ СВЕРХДЕРЖАВА»?

Прежде, чем поведать сагу о том, как выходки Пхеньяна называются на «мягкой силе» (да и не только «мягкой») КНР, коснусь такой набившей оскомину темы, как «единственная оставшаяся сверхдержава».

За обстрелом северокорейцами о. Ёнпхёндо последовали американо-южнокорейские маневры в Желтом море. Демонстрацию силы возглавил авианосец «Джордж Вашингтон».

Изначально трактованный настолько расширительно, что в известном смысле стал скорее штампом, лозунгом, даже мифом, этот термин требует существенного уточнения.

Сразу после распада Советского Союза и окончания холодной войны его начали усиленно продвигать крайне правые американские сторонники гегемонии США в мире, которые считали и считают случившееся «победой» Запада в холодной войне. Но большинство специалистов, в т.ч. американских, справедливо объясняют распад СССР главным образом внутривнутриполитическими факторами, хотя внешние факторы тоже нанесли весомый урон, особенно по части изматывания Советского Союза в гонке вооружений и разного рода конфликтах, в первую очередь, афганском. По существу бывшая сверхдержава всё же «победила» сама себя, оказавшись в экономическом и политическом тупике.

Постепенно тезис о том, что США стали «единственной ос-

тавшейся сверхдержавой», которым упивались и до сих пор упиваются наиболее воинственно настроенные американские неоконсерваторы, переключался и в широкий обиход. И, что самое удивительное, был с каким-то сладострастием самоуничтожения подхвачен во многих странах, включая нашу, причем именно в интерпретации правых «ястребов».

Последние же трактовали ее как индульгенцию для вседозволенности и т. н. односторонней политики, подразумевающей, что Вашингтон должен считаться даже с союзниками постольку-поскольку, а «партнеров» и прочих в упор не видеть. И, уже не стесняясь, провозгласили «единственную оставшуюся сверхдержаву» «империей» и стали настойчиво призывать Вашингтон действовать по-имперски, воспользовавшись беспрецедентной мощью Америки.

Один из глашатаев правых, известный американский журналист-международник и редактор Л.Каплан писал: «В наши дни тезис о том, что США - глобальная империя, стал банальностью, вопрос состоит в том, как американская империя должна действовать тактически». Шеф политического журнала *The Weekly Standard* У.Кристал твердил: «Не надо бояться перестараться в на-

ращивании силы. Пусть нас называют империалистической державой - переживем»¹⁵. А вместе они удивлялись: «Что плохого в господстве во имя здоровых принципов и высоких идеалов?!»¹⁶

На первый взгляд, всё выглядело логично: были две сверхдержавы, из которых одной не стало. Значит, осталась одна, «единственная и неповторимая».

Но это геополитическая арифметика, а не алгебра.

Если оставить в стороне предмет данной статьи («мягкую силу»), то обычно считается, что существуют три основных компонента силы (мощи) государства применительно к международным отношениям: экономическая, политическая и военная.

На деле окончание холодной войны скорее ослабило, чем усилило США в таких двух важных компонентах силы (мощи), как экономика и внешняя политика. Таковую же участь постигла и внутриполитическая поддержка последней: американский народ «расслабился», и добиваться в самой Америке «сплочения вокруг флага» в отсутствие пугала в виде «империи зла» стало намного сложнее, во всяком случае, до террористических атак на США в сентябре 2001 г.

Еще в начале 70-х гг. было признано, что США даже на Западе утратили статус единственного экономического полюса. Такое рассредоточение экономической мощи развитых рыночных стран нашло свое отражение в создании в 1973 г. неправительственной Трехсторонней комиссии в лице крупнейших политических, деловых и общественных деятелей Северной Америки, Западной Европы и Японии, а в 1974 г. - «большой семерки»: США, Японии, Германии, Великобритании, Франции, Италии и Канады. Первоначально она занималась в основном экономическими проблемами.

Вряд ли кто-либо оспаривал в начале 90-х гг., тем более сейчас, что США не были и не стали единственной экономической сверхдержавой. Хотя американская экономика действительно является самой мощной (ВВП - почти \$14,9 трлн), Евросоюз превышает этот показатель (\$16,1 трлн).

Западная Европа после окончания холодной войны заняла

более жесткую позицию в торгово-экономических спорах с США, дело доходило до протекционистских мер против американских товаров и бойкота французских сыров и шампанского в Америке. Весомым ударом по финансово-экономической монополии США стало и образование зоны евро.

Япония же к тому времени набрала такой вес и темп роста, что американцы всерьез были встревожены перспективой недалекого грядущего отставания от Страны восходящего солнца и окончательной потери экономической гегемонии США. Печать, выступления политиков были проникнуты духом «пораженчества».

Особенно меня поразил разговор двух местных бизнесменов в далеком северном штате Нью-Гэмпшире, где я в составе группы иностранных журналистов освещал первичные выборы президентской кампании в феврале 1992 г. Судьбоносные выборы этих ньюгэмпширцев не интересовали: они с унынием сетовали на то, что японцы кладут на лопатки американский бизнес. Тогда почти никто еще не ведал, что Япония уже вступает в упомянутую выше полосу застоя и дефляции, а Америка находится нака-

«ЕДИНСТВЕННАЯ СВЕРХДЕРЖАВА» - МИФ УЛЬТРАПРАВЫХ

нуне самого длительного в их истории экономического бума в мирное время, который по сути завершился лишь с последним финансово-экономическим кризисом 2008-2009 гг.

А потом на пятки западным экономическим гигантам начал наступать Китай.

Таким образом, тезис о том, что США остались «единственной сверхдержавой» в экономическом измерении, изначально был мифом.

Во внешнеполитическом плане окончание холодной войны стало тектоническим сдвигом, по большому счету подорвавшим основные устои военно-политической зависимости Западной Европы от США. Тогда и демократы, и республиканцы публично признавали, что спасение НАТО от вырождения в новых условиях - единственный способ сохранить остатки политического влияния США в Западной Европе.

На мировой арене возросла роль Китая, Индии, встрепенулись новая Россия, Бразилия и ряд других стран.

Администрации умеренного республиканца Дж.Буша-отца и демократа Б.Клинтона на деле стремились проводить «многостороннюю» политику, консультироваться с союзниками, даже с партнерами, к числу которых в 1997 г. был причислен и Китай¹⁷. Кстати, Дж.Най при Клинтоне занимал пост заместителя министра обороны по вопросам международной безопасности.

И только в одном из трех основных компонентов «жесткой силы», а именно в военном, США действительно остаются единственной сверхдержавой (даже несмотря на то, что в стратегических вооружениях в определенной степени сохраняется примерный паритет с РФ).

Достаточно взглянуть на количественные показатели. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ), военные расходы США в 2009 г. достигли \$661 млрд, или 43% затрат всего мира. США превосходят по этому показателю вместе взятых 17 следующих за ними крупных военных держав. КНР занимает

второе место в мире (по оценке СИПРИ, примерно \$100 млрд)¹⁸.

Это, конечно, не значит, что Вашингтону всё по плечу. Пределы «всесилия» «единственной сверхдержавы» были красноречиво продемонстрированы успешным уходом американских миротворцев из Сомали после гибели в Могадишо 18 американских спецназовцев в октябре 1993 г., катастрофы, которую сравнивали с фиаско ЦРУ в заливе Свиней на Кубе в 1961 г.¹⁹ Да и в войну на Балканах Вашингтон вмешался лишь в 1995 г. после настоятельных просьб своих европейских союзников и во многом во имя спасения на глазах хиреющего НАТО, а не мусульман-боснийцев или косоваров.

Сама по себе военная мощь в мирное время далеко не всегда конвертируется в политическое влияние.

Но превосходство в этой сфере все же остается важным внеш-

неполитическим козырем в традиционном соперничестве великих держав за влияние в мировой политике, хотя оно не носит ярко выраженный идеологизированный характер и подвержено большой изменчивости, или, как стало модно говорить после мирового кризиса, - волатильности.

В определенных обстоятельствах такой козырь срабатывает. Что, как представляется, и произошло в результате обострения обстановки на Корейском полуострове.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА «ДИПЛОМАТИИ УЛЫБОК»

Китай успешно укрепляет свои экономические и политические позиции в Восточной Азии, включая Юго-Восточную, объективно тесня США и Японию.

Нарращивает он и военный потенциал. В январе 2011 г. министр обороны США Р.Гейтс заявил, что новые разработки КНР в области вооружений «снизили боевую эффективность некоторых систем вооружений США». Пентагон принимает контрмеры против, в частности, противокорабельных баллистических ракет, противоспутникового оружия и «самолета-невидимки» пятого поколения²⁰.

Но, как представляется, в военном отношении КНР уступает и в обозримом будущем будет уступать Соединенным Штатам. Достаточно упомянуть отсутствие у Китая морской составляющей ядерного арсенала - атомных подводных лодок с ядерными ракетами, ВМФ полурегионального масштаба и, что самое важное, - серьезное отставание от США в наиболее современных инновационных военных технологиях. Трудно не согласиться с министром обороны КНР Лян Гуанле, который на совместной с Гейтсом пресс-конференции в Пекине заявил по поводу китайских систем вооружений: «Наше отставание от передовых стран достигает, по меньшей мере, двух-трех десятилетий»²¹.

Иначе говоря, военное превосходство США - это тот козырь, который при определенных обстоятельствах может укреплять позиции США в Северо-Восточной Азии (этот регион включает Китай, Японию и Корейский полуостров, а также Монголию), в

некоторой степени - и в Юго-Восточной. Именно такая ситуация создалась в результате обретения Пхеньяном ядерного оружия и всякого рода инцидентов на Корейском полуострове.

Ни для кого никогда не было секретом, что за спиной Пхеньяна всегда маячит Пекин*. КНР формально (как член Совета Безопасности ООН) и де-факто (как главный поставщик продовольствия и иных важных элементов жизнеобеспечения северокорейцев) низводит почти к нулю возможность эффективных санкций, направленных на то, чтобы остудить пыл Пхеньяна.

Только благодаря Пекину, поддержанному Москвой, удалось более или менее замять инцидент с потоплением южнокорейского фрегата «Чхонан» вместе с 48 моряками в марте 2010 г.

Но после обстрела северокорейцами в ноябре 2010 г. спорного острова Ёнпхёндо на границе между двумя Кореями, в результате которого погибло несколько южнокорейцев, вся эта история все больше стала походить на печально известное «умиротворение» накануне Второй мировой войны. Более того, Пхеньян пригрозил в ответ на американско-южнокорейские маневры в Желтом море развязать «священную войну» с применением ядерного оружия. Хотя концептуально США оставляют за собой право на применение ядерного оружия первыми против других ядерных держав, никогда еще Вашингтон не позволял себе публично угрожать применением ядерного оружия в конкретной ситуации, даже во время кубинского кризиса и арабо-израильской войны 1973 г., когда США привели в состояние повышенной боеготовности свои стратегические силы.

Отвечая на просьбу журналистов прокомментировать информацию о том, что КНДР произвела выстрелы из артиллерийских орудий по южнокорейской территории, министр иностранных дел РФ С.В.Лавров заявил: «Произошедшее заслуживает осуждения. Те, кто это инициировал и прибег к обстрелу южнокорейского острова в районе т.н. «северной разделительной линии», безусловно,

берут на себя огромную ответственность. Необходимо немедленно прекратить любые обмены ударами. Уже есть погибшие и раненые, нанесен серьезный ущерб... Мы призываем немедленно принять меры к успокоению ситуации и не допускать подобных действий в будущем»²².

Пекин официально ограничился призывами к миру. Естественно, можно только догадываться, что происходит за закрытыми дверями на его переговорах с руководством КНДР. Но с точки зрения Южной Кореи, Японии и ряда стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), Пхеньян исполняет роль чаплинского Малыша, который задирается, уповав на своего великовозрастного покровителя, стоящего за углом.

Вашингтон же устами высокопоставленных представителей администрации США по сути возложил на Пекин долю ответственности за «плохое поведение» Пхеньяна²³.

Б.Обама в телефонном разговоре с Ху Цзиньтао в декабре 2010 г. призвал китайскую сторону недвусмысленно заявить Пхеньяну, что «его провокации неприемлемы»²⁴.

В конечном счете Пекину и Вашингтону удалось в определенной мере уговорить соответственно Пхеньян и Сеул. После очередной эскалации напряженности на Корейском полуострове наступил очередной «хэпши энд».

Но горький осадок остался (не говоря уже о продолжающихся в КНДР разработках ядерного и ракетного оружия).

Судя по комментариям в Японии, Южной Кореи и ЮВА, Пекин понес потери в смысле «мягкой силы», т.е. доверия к его заявлениям. Ведь в конце концов самая большая «утечка» - это действия. Действия красноречивее любых слов, даже если эти слова находятся под «шапкой» «сверхсекретно», «только лично» и лишь изредка всплывают на поверхность, как это произошло с «Викиликс». И когда между словами и действиями образуется большой зазор, то слова девальвируются как инструмент «мягкой силы».

Довольно давно банальностью стал тезис о том, что полюс мировой экономики смещается в Восточную Азию. Но есть и угроза смещения в этот регион центра

* Подробнее см.: *Русаков Е.М.* Призраки возвращаются из «холода» // *Азия и Африка сегодня*, 2010, № 10.

мирового политического противоборства великих держав, прежде всего КНР и Соединенных Штатов, с которыми связана договором безопасности Япония. Само по себе столкновение интересов трех крупнейших национальных экономик мира - явление небезопасное. Но там еще тлеет и последний заповедник холодной войны - Корейский полуостров, где после обретения Пхеньяном ракетного и ядерного оружия значительно возросла взрывоопасность.

Обострения напряженности на Корейском полуострове вкуче с инцидентом у о. Дяойдао (Сэн-каку) загнали Токио в безвыходное положение, при котором ему не оставалось ничего другого, как броситься под защиту США и покорнейше выразить благодарность Вашингтону за поддержку в тяжелую годину.

А Сеул даже стал просить Вашингтон вернуть тактическое ядерное оружие, выведенное из Южной Кореи в 90-х гг. По словам Гейтса, произошел «тектонический сдвиг в настроениях южнокорейской общественности, не желающей больше терпеть провокации, которые северные корейцы совершали в течение многих лет». Да и «для США Северная Корея становится прямой угрозой»²⁵.

Как представляется, еще более жесткая привязка Японии и Южной Кореи к военному союзу с

США, последовавшая за действиями Пхеньяна и выразившаяся, в частности, в крупнейших после окончания холодной войны совместных американо-японских и американо-южнокорейских учениях, ведет и к укреплению передовой линии «сдерживания» Китая в Тихом океане с помощью военных баз, военно-политических союзов или тесных связей на линии Японских островов, Южной Кореи, Тайваня и Филиппин.

Пожелавший остаться анонимным высокопоставленный представитель Белого дома (нередко им бывает помощник президента США по национальной безопасности) заявил, что действия Пхеньяна и явная поддержка его Китаем вынуждают Вашингтон пересмотреть свои отношения с Южной Кореей и Японией с перспективой возможного создания антикитайского блока в Северо-Восточной Азии, которого в администрации не хотят, но который может потребоваться²⁶.

Таким образом, у Вашингтона появился повод затормозить, если не повернуть вспять, процесс изменения баланса сил в Восточной Азии в пользу КНР. Получилось так, что Пекин волей-неволей вступил в соперничество на том поле, где он уступает США.

Игрища с маневрами и стрельбами на Корейском полуострове уже приобрели ядерный оттенок. И хотя до сих пор они заверша-

лись «хэппи эндом», никто не может гарантировать, что в какой-то момент они не могут привести к непоправимым последствиям. Весьма продуктивные американо-китайские переговоры по широкому кругу региональных и глобальных проблем во время государственного визита председателя КНР Ху Цзиньтао в США в январе 2011 г. вновь отодвинули такую неблагоприятную перспективу (хотя стороны и не скрывали свои разногласия). Но вялотекущий конфликтный синдром остается.

* * *

«Мягкая сила» «неосвязаема» и трудно измеряема. Ее инструментарий можно отнести к своего рода дипломатическим нанотехнологиям. Применение такого инструментария требует ювелирной работы и трудного поиска баланса между «жесткой» и «мягкой» силой, внешними и внутренними политическими реалиями.

Акцент на «мягкую силу» во внешней политике Пекина представляется полезным и для КНР, и для ее партнеров и соседей. Но, как представляется, возможности проведения такой политики у Пекина пока ограничены и недостаточно соотносены с его действиями и его «аудиторией», прежде всего в Восточной Азии.

¹ История США. Т. 2. М., Наука, 1985, с. 276.

² The Presidents. Reference History. *Graff Henry F.* ed. Simon & Schuster Macmillan, N.Y., 1997, p. 327.

³ *Brands H.W.* T.R. The Last Romantic. Basic Books, N.Y., 1997, p. 529.

⁴ *Nye Joseph S., Jr.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. Public Affairs, N.Y., 2004, p. 67-68.

⁵ Ibidem, p. 145.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid., p. 144.

⁸ Ibid., p. x, 7.

⁹ Ibid., p. 68.

¹⁰ Ibid., p. 56-57, 63.

¹¹ Ibid., p. 63-64.

¹² *Kahn Herman.* The Emerging Japanese Superstate. Challenge and Response. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, N.J., p. 181.

¹³ *Давыдов А.С.* «Китайская головоломка» для администрации Б.Обамы // Азия и Африка сегодня, 2010, № 4.

¹⁴ <http://www.wenchang.gov.cn/>; *Hsiao Russell.* China Exerts Administrative Control Over Disputed South China Sea Islets // The Jamestown Foundation. China Brief, Vol. 7, Issue 23. 13.12.2007 - http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=4611

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ *Kristol William and Kaplan Lawrence.* War over Iraq: Saddam's Tyranny and America's Mission. Encounter Books, San Francisco, 2003, p. 112.

¹⁷ *Mann James.* About Face. A History of America's Curious Relationship with China, from Nixon to Clinton. Alfred A. Knopf, N.Y., 1999, p. 352.

¹⁸ SIPRI Military Expenditure Database - <http://www.sipri.org/databases/milex/>

¹⁹ *Hamilton Nigel.* Bill Clinton. Mastering the Presidency. N.Y., Public Affairs, 2007, p. 192-194.

²⁰ Сайт МО США. U.S. Department of Defense. Joint Press Conference with Secretary Gates and General Liang from Beijing, China. 10.01.2011 - www.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=4750; Robert Gates in China. He says The US don't like China's military build-up. Gen. GL Liang says Have no fear - <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-pacific-12146922>

²¹ Joint Press Conference with Secretary Gates and General Liang from Beijing, China. Op. cit.

²² Сайт МИД РФ. Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В.Лаврова на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Республики Беларусь С.Н.Маргуновым. 23.11.2010 - http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/8d85595e5155d532c32577e40063cd2f?OpenDocument

²³ *Pomfret John.* U.S. raises pressure on China to rein in N. Korea. Washington Post, 6.12.2010.

²⁴ Сайт Белого дома. The White House. Readout of the President's Call with President Hu of China. 6.12.2010 - www.whitehouse.gov/the-press-office/2010/12/06/readout-president-s-call-with-president-hu-china

²⁵ Сайт МО США. U.S. Department of Defense. *Garamone Jim.* American Forces Press Service. Gates: North Korea Becoming Direct Threat to U.S. 11.01.2011.

²⁶ *Pomfret John.* Op. cit.